

Секция 2
**ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

А. В. Антошин

*Институт социальных и политических наук
Уральского федерального университета*

**К вопросу об открытии «второго фронта»
Третьей мировой войны: Китай в планах русской
антикоммунистической эмиграции в начале 1950-х гг.**

Начало 1950-х гг. — один из переломных моментов в истории холодной войны. К тому времени в переписке русских эмигрантов-антикоммунистов, внимательно следивших за развитием ситуации в мире, Европа уже давно именовалась «фронтом». Когда же в небе над Кореей советские и американские летчики уже противостояли друг другу, атмосфера в мире накалилась до предела. Не случайно в русской эмигрантской прессе в 1950 г. появилось сразу несколько статей с красноречивыми заголовками «Если завтра война...». А в некоторых газетах стали писать о том, что Третья мировая война в Корее уже фактически началась. Царившую в мире атмосферу очень ярко обрисовал на заседании совета эмигрантского Народно-трудового союза (НТС) в январе 1952 г. его председатель В. М. Байдалаков: «Исчезли последние надежды на мирный исход... Обе стороны готовятся всерьез к последнему и решительному бою. Перестройка промышленности. Вооружение всего мира... Тревога ширится в народах: чего ждем, когда начнется, когда начнут сыпаться атомные бомбы на

головы наших детей, чем все это кончится? Эти вопросы множатся в письмах избирателей»¹.

В этих условиях усиливается внимание русской антикоммунистической эмиграции к ситуации на Дальнем Востоке. Как свидетельствуют материалы, хранящиеся в Архиве восточноевропейской истории и культуры Бременского университета (Германия), одна из наиболее активных структур русских антикоммунистов — НТС — к началу 1950-х гг. уже не имела своих организаций в Китае. Вторая мировая война и приход к власти в стране коммунистов привели к исчезновению там групп НТС. Кадры членов Союза из Китая переместились на Филиппины (Тубабао) и в Австралию, о чем уже немало написано в российской историографии. Однако, не говоря уже о лагерях беженцев на Тубабао, атмосфера в Австралийском отделе НТС была не самой благоприятной². Об этом знали и в руководстве Союза, поскольку Центр вел активную переписку с оказавшимися на Дальнем Востоке товарищами. Один из лидеров НТС А. Н. Артёмов в декабре 1950 г. прямо признавал: «Настроение кадров в Австралии, Филиппинах и других местах было направлено на бегство от войны». Однако, отмечал он, начало военных действий в Корее кардинально изменило ситуацию: «Корейская война их встряхнула. У этих кадров появляется стремление включиться в борьбу на Дальнем Востоке». Одновременно А. Н. Артёмов отмечал, что соответствующие возможности для ведения антикоммунистической деятельности в этом регионе имелись: «Япония может играть ту же роль на Востоке, что Германия на Западе». Вообще, заметим, что НТС в этот период проявляет к Японии особый интерес. Не случайно один из лидеров Союза В. Д. Поремский летом 1952 г. обращал внимание на появление «первых материалов об НТС, “Посеве” и прочее в японской прессе»³.

В тот момент, в разгар войны в Корее, большинство лидеров НТС вообще считало Дальний Восток ключевым в стратегии Третьей

¹ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. Л. 20.

² См.: Антошин А. В. НТС в Австралии в 1950-е гг. (по материалам Отдела специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета) // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. Владивосток, 2013. С. 74–78.

³ FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в июне 1952 г. Л. 20.

мировой войны. Об открытии здесь «второго фронта» в те дни прямо говорил, например, А. П. Столыпин — сын знаменитого главы правительства дореволюционной России⁴.

Значительное внимание в дни Корейской войны было приковано к Китаю. За развитием ситуации вокруг него русская антикоммунистическая эмиграция внимательно следила давно, полагая, что там осуществляется одна из фаз мировой революции. Характерно, что в январе 1950 г. бывший майор власовской армии Ф. М. Легостаев в одной из статей предсказывал, что именно Китай явится «той страшной силой, которая начнет войну»⁵. В итоге новый конфликт вспыхнул по соседству — в Корее, хотя без Китая, бесспорно, здесь не обошлось. Стало совершенно очевидно, что КНР является чрезвычайно важным элементом коммунистического блока. Поэтому русские антикоммунисты напряженно анализировали ситуацию, пытались понять, где же то слабое звено, ударив по которому, можно существенно ослабить весь блок. Аналитики НТС, например, стремились использовать в интересах антикоммунистической борьбы те традиционные противоречия, которые существовали на Дальнем Востоке. Уже упоминавшийся А. Н. Артёмов полагал, что в Корее существует ненависть не к «белым» (как полагала часть западной общественности), а к китайцам, которые вместе с японцами были «поработителями» Кореи. И это обстоятельство следовало учесть. Кроме того, доказывал русский антикоммунист, «Китай как цельной нации не существует. В Китае многонародность (многонациональный состав населения. — А. А.), причем народы по языку резко отличаются друг от друга и часто друг друга не понимают». Объединяют же их, доказывал лидер НТС, «иероглифы», которые «дают возможность общаться письменно без необходимости знать язык». Всего же в Китае, заявлял А. Н. Артёмов, 27 различных «наречий».

Особое внимание НТС, естественно, собирался уделить Формозе (Тайваню). Еще в декабре 1950 г. А. Н. Артёмов заявлял, что Тайвань может стать «базой новой гражданской войны в Китае»⁶. Именно

⁴ См.: Там же. Л. 22.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 4. Д. 9. Л. 2.

⁶ FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в декабре 1950 г.

там прежде всего и планировалось открыть «второй фронт» Третьей мировой войны, начавшейся, с точки зрения русских антикоммунистов, в Корее. В январе 1952 г. на Совете НТС обсуждался вопрос о поездке на Формозу Анатолия Александровича Коновца, одного из лидеров Австралийского отдела НТС. При этом заявлялось о необходимости оказать эмиссару Союза полную поддержку⁷.

С Тайванем были связаны своими корнями и некоторые из тех китайцев, которые в начале 1950-х гг. вышли на контакт с НТС. Любопытно, что в хранящемся в Бремене архиве Союза нам удалось найти информацию, свидетельствовавшую о наличии и таких людей. Так, один из деятелей НТС в Сан-Франциско А. Цвикевич в январе 1952 г. в одном из личных писем рассказывал о появлении у него нового друга, которого он называл Мартин Чин Дак. Он был китайцем, но А. Цвикевич переписывался с ним на русском языке. Русский антикоммунист даже послал своему китайскому другу печатную машинку с русским шрифтом, чтобы тому было удобнее вести переписку. Мартин Чин Дак родился на Формозе, некоторое время испытывал симпатии по отношению к коммунизму и даже выучил русский язык на курсах при Обществе советско-китайской дружбы в одном из китайских городов. Однако в итоге он повторил путь, которым уже к тому времени прошли многие западные левые интеллектуалы: китаец «понял весь обман “товарищей” и стал ярким противником таких», — с удовлетворением отмечал А. Цвикевич. Естественно, русский антикоммунист не мог не воспользоваться «сдвигом» в сознании своего китайского корреспондента: «Я его начинаю как только могу и чем могу и на русском, и на английском языках», — указывал А. Цвикевич. Одно из писем Мартина Чин Дака заканчивалось заявлением: «Желаю, что свободная Россия и Китай будут победить в борьбе за свержение коммунистического режима» (орфография и пунктуация оригинала сохранены. — А. А.). «Ну как мне не тратить время на такого орла», — задавал справедливый риторический вопрос один из лидеров НТС в Сан-Франциско⁸. Показательно и место, где работал этот «орел», — «Интеллидженс сервис нэви» (очевидно, морская разведка). Здесь же, кстати, трудилась и еще одна хорошая

⁷ FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. Л. 20.

⁸ FSO UB. HA. F. 98. А. Цвикевич — Н. И. Беваду. 03.01.1952.

знакомая А. Цвикевича — некая госпожа Янковская, которая тоже очень интересовалась деятельностью НТС. Специально для работы с такими людьми А. М. Цвикевичу требовалась пропагандистская литература на английском языке (т. к., очевидно, Мартину Чин Даку все-таки было удобнее читать на этом языке, чем на русском).

Наряду с Формозой внимание русских антикоммунистов привлекал в начале 1950-х гг. и Тибет. Уже упоминавшийся А. Н. Артёмов, называя его «новой жертвой коммунизма», упоминал Тибет в качестве одного из факторов, могущих способствовать открытию «второго фронта» в Третей мировой войне⁹.

Приведенные в данной небольшой публикации факты, несомненно, отнюдь не носят исчерпывающий характер. Они лишь показывают, что русская антикоммунистическая эмиграция в начале 1950-х гг. обращала пристальное внимание на развитие событий вокруг Китая, придавая им большое значение в развитии глобального противостояния эпохи холодной войны.

⁹ FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в декабре 1950 г.